

Продолжается проект Литературного объединения «ПарОм» «Текстуры Омска», который реализуют писатели Наталья Семёнова и Вероника Шелленберг. Напомним, что в 2022 году этот познавательный литературно-краеведческий электронный ресурс на карте Google качественно расширился и теперь охватывает не только Омск, но и Омскую область. Предлагаем вашему вниманию подборку из проекта.

Светлана КАЗАКОВА

Крутинка

Посвящается посёлку моей юности

* * *

У Крутинки глаза голубые,
Как и Родины нашей – России.
Ах, Крутинка, селянка Крутинка!
Пусть на карте страны ты – песчинка,
Настоящая провинциалка,
Где порою и шатко, и валко...
Не разряжена ты, не шумлива,
Не изнежена и терпелива,
Не испорчена духом наживы,
А известна народом двужильным,
Смоляною кедровой избою,
Колокольцем под лебедь-дугою,
И церквушки малиновым звоном,
И чалдонским наречьем знакомым,
И сияньем озёрно-закатным,
Косогором прибрежно-покатым,
И сосновой столетней макушкой,
Земляничной поляной, веснушкой ль...

Ты, Крутинка, – синоним Отчизны.
И меня ты помянешь на тризне,
(Дай бы Бог, чтоб не скоро то было...)
Дай бы Бог, чтобы сил мне хватило
Воспевать тебя снова и снова,
И делами своими, и словом.

Иртыш. Предзимье

И, выгнув спину, октябрём утишен,
Лежит Иртыш у кромки ноября.
И город замер, он почти не слышен:
Встаёт предзимья скромная заря.
Лежит Иртыш, ловя лучи зарницы
И вспоминая позднюю весну,
В великолепье солнца колесницу,
Весёлую и лёгкую волну,
Которая теперь отяжелела
И ленится в осенний этот час.
Но стая перелётная взлетела,
Взыграв волной, как будто напоказ.
Устал Иртыш и, на бок завалившись,
У берега гудком баржи зевнул,
Рыбёшку испугав, что, притаившись,
Глазела вверх, где сиверко¹ подул,
Перо, что обронила лебедь-птица, –
Оно кружится тихо над водой.
Затих Иртыш. А неба серый ситец
Снежинкой первой вдруг дохнул зимой.
– Ну, спи, Иртыш!

¹ Сиверко – сибирское название северного ветра.

Горбатый мост, ты знаешь...

Горбатый мост, ты знаешь,
Стал строже и прямей.
Его пересекаешь куда как веселей
В трамвае разудалом,
Катящемся в Амур¹.
Здесь – радости навалом
И лёгок каламбур!

На площади Серова
В салон вошёл Андрей.
При цирке – села снова
Алиса у дверей.
Вот на Бульварной – Ната,
К кондукторше летя,
Беспечного юнната
Откинула шутя.

А на Казачьем рынке
В вагон и Вацлав влез:
Не хочет, по старинке,
Без торта – наотрез.
Он на углу, в «Стекляшке»
(Хоть было нелегко)
Добыл честной компашке
Жар-Птичье Молоко!

Что ж, здравствуй, Ярослава,
Добрались до «Зари»².

¹ Амур здесь – Амурский посёлок, жилой массив на северо-востоке Омска.

² Магазин «Заря» – остановка общественного транспорта в Амурском посёлке, названная в честь находящегося неподалёку от неё гастронома.

Счастливая орава
Вся в сборе – посмотри!
Нас ждут «в одном флаконе»
Шёлк, кисти и акрил...

(Тут на моём смартфоне
Будильник зазвонил.)

Пришли мне карточку на вид родного сада...

Пришли мне карточку на вид родного сада,
Которому в обед уж триста лет.
Там просто бродишь – и уже не надо
Ни срывать, ни пробивать билет.

Хоть с каланчой у главного почтамта,
С оленем у фонтана, с Домом мод;
Лишь только укажи мне стрелкой: «Там-то!»
Я, право слово, позабыл, где вход.

Ирина РЕЗНИК

Памятник Анастасии Ларионовой

*Посвящается жительнице с. Михайловка
Саргатского района Омской области
Анастасии Акатьевне Ларионовой,
потерявшей на фронтах Великой Отечественной
войны своих семерых сыновей*

Горе застыло в морщинах,
Смотрит с надеждой мать:
Хоть одного бы сына
Ей удалось повидать!

Как они все рождались,
Болели, росли, дрались,
Как без отца остались –
Память хранит всю жизнь.

Семь сыновей-погодок
Мать проводила на фронт.
Страшных семь похоронок
Ей принесёт почтальон...

И возвращались солдаты,
И к счастью на огонёк
Мать бежала когда-то
За весточкой, вдруг сынок

Жив хоть один, пусть ранен,
Может, встречались? Нет?
И превратилась в камень
Мать через много лет.

Сердце прижав рукою,
Разве удержишь боль?
Скорбно лицо простое,
Слёз проступила соль.

Калитка сера от пыли,
У ног необурых пёс,
А сзади её окружили
Семь молодых берёз.

Шепчут листвою самой,
Красит стволы заря.
Ты не печалься, мама,
Растила ты нас не зря...

Слышишь, Анастасия?
В кронах лица видны!
Спасли сыновья Россию –
Они и её сыны!

Достоевский в Омске

На эшафот дорога и обратно
Свернула в Омский каторжный острог.
Увидев город грязным и развратным,
Как дар судьбы, он принял этот срок...

В сыром бараке пол от грязи скользок,
Преступного народу – как сельдей.
Со вшами, тараканами и... пользой –
Прожить, запомнив тысячу идей

Для будущих романов – выжить только...
Бумаги нет, и перьев, и чернил.
Рукам от кровавых мозолей больно,
Да кандалы носить хватило б сил.

Пустынный берег без крикливых чаек
И жуткая воды иртышской муть.
Никто из арестантов и не чаял
Согреться и немного отдохнуть.

И только в белом Воскресенском храме,
Где у забора цвет осенних астр,
Молились и брели на берег сами,
И обжигали снова алебастр.

В бессмертие он шёл, к народной славе,
По омским улицам, по грязи и пыли.
И весть об этом господину Граве
Архангелы, наверно, принесли.

Анастасия БЕЛОУСОВА

* * *

Белые гончие, белые снега,
Знаки на трассе, как обереги.
Стынет дорога из Омска в Черлак,
Я вспоминаю: всегда было так.

Что полотенце лежит на пути,
Едешь вперёд, так назад не гляди.
Мерно в машине качает иконку.
Едешь в мороз, так молись потихоньку.

* * *

Вся моя печаль,
Как чайка,
Неспокойно кружит в небе,
Ты давно так дома не был,
На тягучем Иртыше.

И, выкрикивая:
«Не был!»
Чайка кружится по небу,
Словно часть сердечной боли
Отдаёт моей душе...

Тамара ПУТИНЦЕВА

* * *

Деревенька Спайка –
Маленькая точка.
Словно Берендея
Младшенькая дочка.

Средь лесов и кочек
Затерялась в поле.
Нет её дорожке,
Нет милее боле.

Деревенька Спайка –
Нет её на карте.
Словно птицы стайкой
Прилетели в марте.

Солнце по-сибирски
Сдержанно на ласки.
Край мне очень близкий,
Как из детства сказки.

Белые околки,
Золотые нивы.
А ромашек сколько!
Птичьи переливы!

С детства мне знакома
Здесь тропа любая.
Я везде как дома,
Всё вокруг я знаю.

Улица деревни
В поле выбегает.
Вдалеке раakitник
В сизой дымке тает.

В старом парке – школа,
За окном – грачатник.
День и ночь весёлые
Здесь грачи кричат.

Журавли

Клин говорливых журавлей
С любовью взглядом провожаю.
Здесь, над Некрасовкой моей,
Маршрут их дальний пролегает.

Желаю им всегда-всегда,
Как дорогим друзьям, – здоровья,
Их не постигнет пусть беда
Ни в вышине, ни на гнездовье.

Пусть ставят крепко на крыло
Своих птенцов, всех, без утраты.
Хочу их видеть над селом
Летящих клиньями обратно.

Курлы-курлы... Замрёт душа,
На миг один прервёшь дыханье.
Они летят, летят спеша.
Я говорю им: «До свидания».

Увидев в небе журавлей,
Грущу и счастья им желаю.
Здесь, над Некрасовкой моей,
Маршрут их дальний пролегает.

Владимир ГЕРАСИМОВ

Не годы пролетели...

Мне снится пляж на озере домашнем,
К нему мы все бежали налегке.
Вдруг выплеснула память день вчерашний,
И это всё осталось на песке...

«Песчаное, песочный пляж, Песчанка...» –
Как музыка звучит издалика.
И крутит её память, как шарманка,
И не устанет пусть её рука.

Владислав ОВЧИННИКОВ

Мой край родимый

Пусть облака кочуют мимо
В простор лазурно-голубой:
Я навсегда, мой край родимый,
Моя Кормиловка, с тобой!

Пусть на Оми играют плёсы,
Пусть перепел в хлебах поёт,
Пусть свежие омоют росы
Детство курносое моё!

Пусть будет луг цветами вышит,
Пусть деды, бабы ждут внучат.
Пусть щебет их весёлый слышит
Наш детский сад, наш ясли-сад!

Хочу, чтоб солнца луч с любовью
Бескрайний небосвод пронзал!
Чтобы встречал всех хлебом-солью
Гостей кормиловский вокзал!

Константин АТЮРЬЕВСКИЙ

* * *

В исконных владеньях татар,
Подмятых крылом Империи,
Живу я в старинной Таре,
Для магометан – неверный,
Для православных – свой
(Но грешный, а значит – скверный),
А для иудеев – гой,
Для атеистов – наивный,
Верящий в старый миф...
А городок мой дивный –
Родина – целый мир!

Никольский собор

На месте Никольского храма
Пустырь, гаражи и крест.
Советского времени драма
Коснулась и этих мест.

Я часто хожу здесь мимо,
Но память цепляет взгляд,
И я представляю зримо
Служенье у Царских врат.

Величественность собора
И внутреннюю благодать
Прочувствовать можно взором,
Его прихожанином стать.

Когда-то наступит время,
И будет воссоздан храм.
Он будет построен теми,
Кто к Богу приходит сам.

Тара

Виктор МИРАНЧУК

Новая страна

Из дорог одни лишь только реки,
И по ним прокладывая путь,
Шёл в Сибирь шестнадцатого века,
Строя города, российский люд.

Томь, Тюмень, Тура, Tobол и Тара
Городам дарили имена,
И на их крутых высоких ярах
Вырастала новая страна.

Не тяжёлой палача секирой –
Плотницким мужицким топором
Изменялся прежний лик Сибири
И манил за полуночный кром,

Где хвоистый мрак таёжной шири
Отливал собольим серебром.

Омск, 9 мая 1976 года

Площадь Ленина... Двадцать оркестров...
Капельмейстер красив и суров...
Вдоль оркестров, шальной, как невеста,
вьёт круги журналист Чекмарёв.

Бьют там-тамы и слева и справа –
я безбожно дурею от них...
И глядят на меня величаво
сто гусарынь адью-расписных.

Час назад – в девятнадцатом веке,
но вошли – и понятны без слов –
знаменосец а-ля Кюхельбекер,
ультра-Пестель и граф Муравьёв.

Ну, припомни Сенатскую площадь!
Ну, взглядишь, как похожа толпа!..
Ржёт фагот, как гусарская лошадь,
и отчаянно плачет труба.

Капельмейстер без оху и страху
Омск вечерний берёт «на ура»...
Капельмейстеру утром на плаху,
но далече ещё до утра.

Сердце омское рвётся на части,
дыбом волосы, мысли торчком...
И филёр, задыхаясь от счастья,
мчит с доносом в ближайший райком.

* * *

– Следующая остановка
«Кинотеатр Иртыш».
В автобусе без сноровки
Ровно не устоишь.

На лицах надеты маски,
Под ними ещё одни,
Кондуктор буйной раскраски
Считает рубли и дни.

Проносится мир в окошке,
Да сразу не увидать,
Сперва потереть ладошкой
И смайлик нарисовать.

Но смайлик весёлый плачет,
Дрожа на сыром стекле.
Про день намекает, значит?..
Не станет он о рубле...

Инъекцией установок
Вплетаются в чьи-то сны
Названия остановок,
Осмысленны и честны.

В них ключ ко всему таится,
И каждому свой черёд:
Роддом, Универ, Больница,
Галактика, Поворот...

Кого-то задену рядом,
Нечаянно разбужу.
– Простите меня, ребята,
Я, кажется, выхожу...

Балкон

Конечно – ошибка строителей!
На улице Конева видели:
на гладкой стене без дверей и окон
балкон.

Конечно, случается всякое
(не быть же домам – одинаковым!),
и смыслом любым может быть наделён
балкон.

Кому-то он, может, мешает,
но птицы его обожают.
Он более чем заселён,
балкон.

Омский Дон Кихот Александра Капралова

У Театра юного зрителя
сотню раз вы, наверное, видели
щита и шлема окружия,
древнего вида оружие
из труб, штырей и металлодряни...
Сервантес тоже брал для своего героя ненужное –
рыцарство, честность и поклонение Даме...

Пусть литератор и физик
ведут внутри непрерывный спор,
нет для меня скульптуры чудесней –
одна половина несётся, как время, во весь опор,
вторая, как вечность и верность,
сидит и хранит равновесье.

Омскому политехническому посвящается

Среди многих университетов
и учебных заведений всех
есть такое место на планете –
вечно юный Омский политех.

Позабуду я координаты,
маячки на картах, кроме тех,
что мне в душу заложил когда-то
вечно юный Омский политех.

Жизнь бежит, торопится, смешная,
у неё там впереди успех.
Я секрет успеха точно знаю,
мне его поведал политех.

Тот секрет, что дружба крепче стали,
спецдобавки – опыт, знанья, смех.
Это вот во мне накашеварил
вечно юный Омский политех.

Он сейчас уже солидный парень,
он – опорный университет.
Но в его серьёзности мелькает
политеха юного отсвет.

Мы уходим, забывая вузы,
но они прощают этот грех.
Вечный препод, вечный первокурсник,
смотрит вслед нам Омский политех.

Среди многих университетов
и учебных заведений всех
есть такое место на планете –
вечно юный Омский политех.

Аркадий Кутилов

Тропа уводила в синеющий лес –
Для всех этот лес представлял интерес.
В июле цвела – вместе с пчёлами – кашка,
Молочного цвета – подружка ромашке.

Сапсан вдоль дорог охранял высоту.
А сосны горячие были с версту.
Берёзы – таких не найдёте нигде –
Дремучие ветви купали в воде.

– Купайся, не жалко – земляк ли, прохожий!
Забудешь не скоро, что звать меня Оша...
И месяц-младенец, едва лишь родился,
Тонюсенькой кромкой от счастья светился.

Собрал это всё воедино Кутилов
Крепчайшей своей поэтической силой.

А в городе стал он бродягой, пропойцей,
Лихого пошиба, скандального свойства.
– Где дом твой? Где стол?
Нет кровати, матраса...
– В трескучий мороз горячей теплотрасса!

...Но вырвать нельзя деревенские корни,
Поэт и художник – бунтарь непокорный!

Разговор с Иртышом

- Суров ты, по правде сказать, и угрюм.
- Моя седина и морщины – от дум.

- Откуда же летом берётся тоска?
- Устал я тяжёлые баржи таскать.

- Сейчас вот беспечно играешь волной.
- То буйному ветру неведом покой.

- А помнят ли воды твои Ермака?
- Дружина пришла его издалека.

- Ты моешь и рушишь свои берега.
- Да, твердь и вода – два извечных врага.

- Смотри, одевается берег в гранит.
- Приветствую города праздничный вид!

- Ты, свет отражая, блистишь чешуёй.
- Любуется солнце иртышской водой.

- Ты вечно в дороге, в работе, в делах...
- Мой путь повторяет
сибирский размах.

* * *

Край степной неброской красоты.
Ветер. Ни осинок, ни берёз.
Что вдали сверкает? Эбейты.
Озеро, что солонее слёз.

На земле белёдые следы.
Сколько дней им, лет или веков?
Край легенд и сказок – Эбейты –
Про героев древних и богов.

Люди ходят здесь по облакам,
Ценят грязь дороже серебра.
Солеросы ластятся к рукам.
Здесь поют комуз или домбра.

Нам открыто небо, мы – ему.
Нет вокруг ни зданий, ни машин.
Что-то я здесь важное пойму,
Созерцая озеро в тиши.

Отгону рачков ногой босой,
Облака и сверху и внизу.
С Эбейты привозят грязь и соль,
Я отсюда радость привезу.

